

И. М. Кулишер

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАК НАУКА И ПЕРИОДЫ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ РАЗВИТИИ НАРОДОВ

I

Историческое направление в политической экономии исходит из того основного положения, что законы экономической жизни, поскольку они вообще существуют, могут быть установлены лишь на основании изучения всей экономической жизни человечества в ее целом, т.е. на основании изучения явлений не только настоящего, но и всех предыдущих периодов; законы, установленные путем ознакомления только с одним настоящим, имеют значение лишь для современного периода, но не могут претендовать на всеобъемлющее значение, т.е., в сущности, не являются вовсе законами. С этой точки зрения история экономического быта есть не только историческая наука, как нередко утверждают, но представляет собою вместе с тем и необходимую составную часть политической экономии, без которой теоретическая экономия не может установить законов, а, следовательно, и не может стать наукой в истинном смысле этого слова.

Экономическая история, как самостоятельная дисциплина, возникла весьма недавно. В такой науке прежде не ощущалось потребности, отсутствовало понимание ее огромного значения. Да иначе и быть не могло: раз господствовал догмат, что история делается отдельными личностями и, следовательно, задача ее заключается в изучении индивида, то история масс, — а экономическая история является таковою *par excellence*, — не могла завоевать себе признания в глазах историка. Только социальное движение, в особенности второй половины XIX века, заставило обратить внимание на массы и понять, что они являются важной двигательной силой общественного развития; их жизнь стала постепенно приобретать не меньший и даже, быть может, больший интерес, чем судьба отдельных выдающихся личностей, — а это обозначало появление рядом с политической историей и истории культур-

ной, т.е. прежде всего истории экономического быта народов, как основы всех других сторон культурной жизни.

Экономисты в свою очередь долгое время не интересовались историей хозяйственной жизни. Для них на первом плане стояли всегда вопросы практического характера, вопросы экономической политики, которые нужно было решить немедленно, не вдаваясь в продолжительные изыскания того, как возник тот или другой экономический институт, подлежащий изменению или отмене. Экономическая теория играла чисто-служебную роль, она должна была объяснять явления настоящего, содействовать их пониманию для того, чтобы можно было принять соответствующие мероприятия. Отсюда-то и возникло то мнение, будто бы задачи экономической науки сводятся к изучению одного только настоящего; так это, действительно, было долгое время.

Впрочем, основатель экономической науки Адам Смит, писавший еще в XVIII веке, не стоял на столь узкой точке зрения, а старался охватить всю экономическую жизнь не только современной ему эпохи, но и предшествующих столетий, насколько это было возможно в те времена, при зачаточном состоянии общественных наук. Уже одно то, что он противопоставлял основанный на государственной регламентации экономический строй XVIII века зарождавшемуся в конце этого столетия периоду экономической свободы и старался установить, так называемые, естественные законы и для того и для другого периода, которые резко отличались друг от друга, свидетельствует о том глубоком понимании экономической жизни, которым обладал Адам Смит. Его преемник, Рикардо стоял сам в водовороте практической жизни; он не имел тех обширных сведений в области истории и этнографии, какими отличался энциклопедист Адам Смит, но он хорошо знал и тонко понимал современную ему экономическую жизнь. Исходя из практических вопросов, волновавших современное ему общество, — это была эпоха перехода Англии к свободной торговле и (индивидуально) свободному рабочему договору — он старался выяснить необходимые для разрешения этих практических проблем основные положения теории, установить те принципы, которые могли бы служить руководящей нитью при начертании практических мер.

Так возникла экономическая теория, которая анализировала одну современную жизнь, да ни на что иное, собственно го-

воря, и не претендовала. Но зато анализ современности получался у Рикардо, действительно, правильный и точный, его дедуктивные положения основывались на предварительной, тщательно проведенной индукции, посредством которой он устанавливал основные посылы. Да и в последующих чисто дедуктивных выводах из них он всегда умел отличить выводы, хотя и логически правильные, но не совпадающие с действительной жизнью, от тех, которые имели реальное значение.

Впоследствии дело изменилось; последователи Рикардо — писатели классической школы, перестали проверять исходные положения индуктивным путем, а между тем условия жизни изменились; индивидуальный рабочий договор и свободная торговля, которые являлись для них по-прежнему аксиомой, уже не соответствовали более действительности, а, следовательно, и все выводы, делаемые на основании этих предположений, противоречили тому, что происходило в жизни. Особенно ярко это противоречие обнаруживалось в учении о заработной плате, где индивидуальный, лишь формально свободный рабочий договор, заключаемый между отдельным предпринимателем и отдельным рабочим, т.е. в действительности односторонне устанавливаемый первым, постепенно заменялся действительно свободным коллективным рабочим договором, заключаемым между представителями от предпринимателей и представителями от рабочих организаций; это происходило по мере того, как на сцену выступали сильные рабочие союзы. Экономисты почти не замечали этой совершавшейся на их глазах перемены.

Таким образом, экономическая наука перестала удовлетворять и интересам практики: она не давала надлежащих объяснений даже для понимания современной экономической жизни. Результатом этого несоответствия между теорией и действительностью и явился призыв к пересмотру и проверке основных положений путем изучения действительной жизни, призыв к ознакомлению с реальными условиями экономической жизни, с бытом, как настоящего, так и прошлого, на основании чего можно было бы уже построить экономическую теорию, покоящуюся на прочном фундаменте. Этот призыв к обновлению науки исходил от так называемой старо-исторической школы в Германии в лице Гильдебранда¹, Рошера² и Книса³. Однако это направление, которое требовало только построения новой теории на реальной почве и изучения с этой целью

экономической истории, не добилось своей цели; сами представители его почти не приступили к детальному исследованию прошлого, и дело подвинулось вперед весьма мало. Указывалось, что одного соображения о необходимости построить новую теорию, более пригодную для понимания нужд современной жизни и для обоснования соответствующих мероприятий, было еще далеко недостаточно.

Нужен был внешний толчок, который бы заставил экономистов приняться за изучение истории хозяйственного быта. Таким внешним толчком и явилось нарождение рабочего вопроса, который выступил в Германии на сцену в 60-х и 70-х годах. Под влиянием роста германской индустрии и перехода Германии от мелкого ремесленного и кустарного производства к крупной фабрично-заводской промышленности, образовался обширный рабочий класс; благодаря увеличению городского рабочего населения, с одной стороны, и сосредоточению производства в крупных промышленных заведениях, с другой стороны, нужда и бедствия, которые ранее были незаметны, будучи разбросаны по многочисленным жилищам, где производили работу ремесленники и кустари, теперь гораздо резче выступили наружу, и перед взором государства и общества предстала яркая картина человеческой юдоли. Рабочие, со своей стороны почувствовали свою силу, и стали предъявлять требования нередко в очень решительной форме; образовалась сильная социал-демократическая партия, возникла интернациональная организация рабочих. В эту эпоху и выступила на арену общественно-политической деятельности германская школа социальной реформы; она поняла, что необходимо совокупными усилиями государства, общества и самих рабочих облегчить бедственное положение рабочего населения, что нельзя все предоставлять свободному течению событий и спокойно смотреть издали, как люди страдают и гибнут. Фабричное законодательство и обязательное страхование рабочих, свобода рабочих союзов и стачек и другие мероприятия социального характера стояли на знамени нового социально-политического направления в экономической науке.

Научные представители этих взглядов стали вместе с тем во главе новой, так называемой, новоисторической школы, которая и приступила к планомерному изучению истории экономического быта. Дело в том, что, восставая против принципа государственного невмешательства, выставленного классичес-

кой школой, и настаивая на том, что государство должно выступить на защиту рабочего класса от крупного капитала, представители направления социальной политики утверждали, что государственное невмешательство не есть естественное, необходимое состояние, как полагали писатели классической школы, что этот принцип, наоборот, в предыдущие столетия никогда не проводился и что тогда рабочему населению жилось гораздо лучше, чем в XIX в.; лишь с тех пор, как стал осуществляться принцип *laissez faire* и рабочее население было предоставлено своим собственным слабым силам, и возникли, по их мнению, все социальные бедствия, началась эксплуатация труда капиталом. Эти положения школа социальной реформы старалась подтвердить исследованиями чисто-исторического характера, преимущественно документальными данными относительно цеховой организации ремесла, когда, благодаря регламентации производства и сбыта, рабочие классы находились в благоприятном положении. Отсюда-то эта школа получила вместе с тем и название новоисторической. Шмоллер⁴, Стида⁵, Шенберг⁶, Брентано⁷, Гельд⁸, Шанц⁹ — все они занялись исследованием цехового строя и истории промышленности и рабочих союзов, и своими капитальными сочинениями положили начало экономической истории как науке.

То обстоятельство, что экономисты сыграли важную роль в создании истории экономического быта, имело огромное значение для новой науки. Они перенесли туда установленные в экономической теории понятия и точки зрения, при отсутствии которых ранее могли получаться лишь расплывчатые описания и общие фразы. Подразделение всей промышленности в течение ее тысячелетнего существования на крупную фабричную и мелкую ремесленную было заменено точной классификацией промышленности в зависимости от того, производятся ли предметы непосредственно для потребителя (ремесло), или они сбываются чрез посредство другого лица — скупщика (кустарная промышленность), изготавливаются ли они на дому у потребителя (работа на заказ), или у производителя, или, наконец, в особом помещении предпринимателя (мануфактура и фабрика). Понятие капитала, в качестве орудия производства и в качестве фонда, доставляющего доход, понятие ренты, в отличие от арендной платы, в состав которой входить и процент, понятие предпринимательской прибыли и многие

другие стали применяться и в экономической истории. При этом экономисты настаивали на том, что о существовании каждого из этих или других институтов и категорий хозяйственной жизни можно говорить только по отношению к тем эпохам, когда этот институт настолько распространен, что в состоянии оказывать влияние на общий строй хозяйства, тогда как отдельные случаи его появления имеют для характеристики данной эпохи весьма мало значения. Иначе говоря, стал проводиться количественный принцип в экономической истории.

С этой точки зрения выяснилось, что есть эпохи, когда не существует никакого обмена, нет торговли, нет кредита, нет представления о ценности. На первый взгляд это может показаться странным, ибо экономическая наука издавна учит, что человеку присуще стремление к обмену, что так же, как немислим человек вне государства, так и невозможно состояние, где бы совершенно отсутствовал обмен. Однако при более близком знакомстве с первобытным коммунистическим строем оказывается, что при этих условиях обмен, действительно, немислим, ибо внутри племени господствует общность имущества, отношения же к другим общинам либо исключительно враждебные, либо основаны на взаимном обмене подарков и гостеприимстве. Представление о возмездном, двустороннем обмене — уже не говоря о равноценности обмениваемых предметов, о которой и впоследствии, с возникновением обмена, еще долго нет речи — отсутствует у первобытного человека, и много времени должно пройти, прежде чем оно возникает. Эту эпоху прошли как народы древнего мира, так и западноевропейские народы. Мало того, и впоследствии, когда возникает обмен, его роль столь незначительна, он составляет столь случайное и исключительное явление, что его совершенно можно игнорировать при характеристике экономической жизни эпохи; торговля затрагивает экономическую жизнь лишь на поверхности, но не проникает внутрь; в глубине все остается еще очень долго в прежнем неподвижном состоянии.

Но рядом с этими положительными качествами новая наука экономической истории приобрела, под влиянием ново-исторической школы экономистов, и отрицательные стороны — стремление к идеализации и модернизации предыдущих эпох. Идеализация прежних времен, как она ни понятна с психологической точки зрения, — невольно глаз ищет в прошлом тех свет-

лых явлений, которых нельзя найти в настоящем, вследствие чего темным сторонам жизни не придается надлежащего значения, — идеализация привела к одностороннему освещению экономической жизни средних веков — средневековых цехов, средневековой торговли, всего развития промышленности и рабочего класса в XVI–XVIII ст., к возникновению представления о том, что это и было то золотое время, когда люди были лучше и благороднее, действовали под влиянием альтруистических мотивов, не преклонялись перед золотым тельцом, как прямо утверждает Шенберг в своем исследовании о цеховой организации в средние века. Но как только наука проникла глубже, стала рассматривать вещи и с других точек зрения, весь этот туман должен был рассеяться. Выяснилось, что регламентация города и государства приводила вовсе не к защите слабых, а, наоборот, к угнетению их более сильными, что страдали слабые элементы — ремесленные подмастерья в средние века (слуги, как они называются в цеховых статутах), эксплуатируемые цеховыми мастерами, и рабочие на дому, кустари в XVI–XVIII ст., находившееся в полной зависимости от скупщиков-предпринимателей. Выяснилось, напр., что таксы на заработную плату, устанавливаемые государством или местными властями, имели не минимальный, а максимальный характер, причем наказанию подвергался не только рабочий, получивший плату свыше определенного уровня, но и хозяин, уплативший ее; при этом в Англии мировые судьи, нормировавшие максимум заработной платы в XV–XVIII ст., сами избирались из числа местных предпринимателей-капиталистов и поэтому устанавливаемая ими плата обыкновенно была — как выяснил Роджерс¹⁰ — ниже обычно уплачиваемой в данной местности. Оказалось, что и до XIX века, до появления машин и фабрик, мы можем найти и кризисы, и 16–18-часовой рабочей день, и труд женщин и детей в нездоровых отраслях производства, и уплату малоценными и испорченными товарами, и многочисленные иные способы эксплуатации труда. Тщательные исследования средневековой жизни привели к тому заключению, что в эту эпоху на каждые три-пять лет приходился сильный неурожай и голод, сопровождавшаяся моровой язвой и пожиранием человеческого мяса. Словом, идиллические описания счастливых крестьян и ремесленников должны были уступить место картинам, написанным более мрачными красками.

При таком сопоставлении прошлого и настоящего легко впасть, однако, и в другую крайность, легко упустить из виду характерные черты прошлых эпох, отличающие их от современности. Подобную аналогию, при которой современные социальные идеи вносятся в совершенно чуждые им эпохи и навязываются людям иного склада, мы называем модернизацией. От модернизации особенно пострадала история экономического быта древнего мира — известные историки-экономисты Эдуард Мейер¹¹, Роберт Пельман¹², Белох¹³ и др. сочли возможным утверждать, что хозяйственная жизнь Афин V и IV ст. и Рима первых веков принципата проникнута таким же капиталистическим характером, как экономическая жизнь в Англии XVIII и в Германии XIX века. Только потому, что греческие и римские торговцы и откупщики податей стремятся к наживе, они превращаются у этих писателей в капиталистов. Между тем характерную черту современного капитализма составляет то, что извлечение прибыли не есть цель сама по себе, а лишь средство к накоплению капитала, который вновь помещается в производстве, должен приносить вновь еще большую прибыль. В древнем мире это-то именно и отсутствовало. Древние хотя и стремились к наживе, но не для помещения накопленных капиталов в производстве, а для расточительного потребления приобретенной прибыли, для затраты последней на предметы роскоши и блеска, чтобы поражать и ослеплять современников.

Однако, устранить раз появившееся заблуждение в экономической истории нелегко, ибо по самому своему характеру она оставляет обширный простор для фантазии, которой приходится заполнять то, для чего нет точных положительных данных. В этом отношении историк-экономист находится в гораздо менее благоприятных условиях, чем люди, изучающие историю других областей человеческой культуры. Очевидцы-летописцы дают нам крайне мало материала, их интересует, «война и мир, управа государей, угодников святых чудеса, пророчества и знаменья небесны»; окружавшая их повседневная жизнь, в которой они сами ежечасно принимали участие, разве могла иметь значение, представлять интерес для потомства? Явления экономического характера записывались лишь тогда, когда они представляли собою что-либо экстраординарное, — и поэтому самому их значение для нас сильно умалывается. Вследствие этого, до сих пор, или, вернее, именно в настоящее

время, происходит спор о том, откуда появились те богатства, первые крупные капиталы, которые возникли в конце XV и в XVI веке — образовались ли они в торговле, как утверждал еще Маркс и как полагали до сих пор, или источником их является накопленная в средние века земельная рента, как настаивает Зомбарт¹⁴, — записей точных об этом у нас нет и не может быть, и взгляды по этому вопросу всегда останутся до известной степени субъективными, даже тогда, когда архивные материалы, преимущественно налоговые списки, дадут нам более точное представление о крупных богатствах в средние века. Поэтому и весьма старый вопрос о том, является ли общинное землевладение исходной точкой в жизни европейских народов, остается и до сих пор спорным, и Фюстедь де-Куланж¹⁵, ссылаясь на то, что в источниках нигде прямо, *en toutes lettres*, не говорится о существовании общины, мог, совершенно отвергать общинную теорию, хотя различные косвенные указания и противоречат такому предположению. Даже теми числами, которые нам сообщают современники, мы лишены возможности пользоваться, они весьма неточны и не являются результатом действительного подсчета, почему обыкновенно сильно преувеличены; уже сами по себе круглые цифры со многими нолями носят весьма подозрительный характер. Мы вынуждены производить подсчет самостоятельно, как он ни труден и сложен, и тогда получаются совершенно иные результаты. Оказывается, например, что крупнейшие торговые города имели в средние века не более 8–10 тысяч населения, а не сотни тысяч, как утверждали прежде. Податные списки и записи о вновь прибывших, а в некоторых случаях и непосредственно произведенные переписи населения дают нам сравнительно удовлетворительный материал для определения численности населения, хотя каждая такая цифра и требует кропотливой архивной работы. Конечно, и в этом случае не следует упускать из виду, что цифры получаются лишь приближительные, ибо в податных списках внесено обыкновенно не все население, а только домохозяева или только взрослые, а перепись редко распространяется на целый город и почти никогда на целую страну, так что недостающие элементы приходится вычислять на основании аналогичных сведений. Тем не менее, во всех тех случаях, когда имеется в нашем распоряжении такого рода первичный материал, состоящий из документаль-

ных данных, официальных записей, и притом материал, указывающий то, что есть, а не то, что должно быть, — мы находимся в весьма благоприятном положении. Таковы, напри-
м., инвентари отдельных поместий, записи торговых подворий и торговые книги купцов, реестры прибывших в гавань кораблей и т.п. Благодаря такого рода данным, мы имеем возможность постепенно определять не только численность населения, но и состав его, размеры торговых оборотов, виды производимых и фигурирующих в торговле товаров и т.п. В самое последнее время на эту историческую статистику обращено особое внимание, и, несомненно, в будущем, когда увеличится количество добытых таким путем данных для различных местностей, получатся весьма важные для экономической истории выводы. Но и в настоящее время мы уже можем придти к некоторым существенным положениям. Оказывается, например., что в средние века превышение женского населения над мужским было гораздо значительнее, чем в настоящее время, что количество детей, вследствие огромной смертности, было весьма невелико, несмотря на очень большой коэффициент рождаемости, что распределение имущества среди населения было и тогда крайне неравномерно и рядом с немногими богачами имелся огромный процент бедняков. К сожалению, однако, такого рода записи во многих случаях не сохранились вовсе или остались в архивах одни лишь отрывки. Да и сведения, которые таким путем получаются, проливают свет лишь на некоторые стороны хозяйственной жизни.

В большинстве случаев при описании экономического быта прошлых эпох приходится пользоваться источниками, лишь косвенно свидетельствующими о состоянии различных сторон хозяйственной жизни — всевозможными капитуляриями, городскими и общинными уставами, цеховыми и гильдейскими статутами, указами и декретами государей, постановлениями сеймов и церковных соборов, грамотами и привилегиями. При изучении и толковании этих источников необходимо соблюдать величайшую осторожность, ибо далеко не все, что приказывалось и постановлялось, действительно было выполнено: таксы, которыми устанавливались цены на товары, нередко вовсе не действовали, и точно так же законы о роскоши, о проценте оставались обыкновенно на пергаменте. А с другой стороны, не следует упускать из виду, что под одними и теми же вне-

шними формами скрывалось нередко весьма различное содержание. Едва ли не наиболее ярким примером в этом отношении является история цехового строя. В средние века цехи представляли собою монопольные организации самостоятельных ремесленников, не допускавших конкуренции на местном городском рынке и произвольно устанавливавших цену производимых ими предметов и плату нанимаемых ими подмастерьев. В XVII–XVIII ст. иная картина — цехи, под влиянием появления конкуренции, теряют свое монопольное положение на рынке, мастера становятся фактически наемными рабочими скупщиков-капиталистов, которые являются посредниками между ними и потребителями, а между тем цеховая организация существует по-прежнему вплоть до конца XVIII и даже до XIX века. И это господство цеховой организаций вплоть до новейшего времени вводило в заблуждение экономистов предполагавших, что и ремесленная система производства сохранялась вместе с ними; только новейшие исследования выяснили совершившийся в XVI и следующих столетиях переворота в области промышленности.

Из всего этого видно, как трудно найти истину в области экономической истории. Недаром до сих пор ни в одной стране, нет сочинения, которое охватывало бы всю экономическую жизнь Запада в ее целом, — и это рядом с многочисленными курсами по экономической теории (политической экономии) на всевозможных языках. За последние тридцать лет собрана огромная масса фактического материала. Одни рылись в архивах и выкапывали оттуда старинные документы, относящиеся к экономической жизни народов, комментировали их и издавали их, другие составляли характеристики отдельных местностей, городов, поместий, корпораций в различные эпохи истории, третьи создавали описания целых периодов экономического развития, охватывающих нередко ряд веков, но обыкновенно только для отдельных народов, — дальше этого мы еще не пошли. Больше всего сделали англичане: Эшли¹⁶ дал экономическую историю Англии в средние века, Кеннингэм¹⁷ исследовал всю английскую промышленность и торговлю до половины XIX века, а Роджерс — сельское хозяйство и положение рабочих до XVIII века. Во Франции Левассер¹⁸ написал историю французской промышленности и рабочего класса, доходящую вплоть до 70-х годов XIX века, ка-

питательный труд д'Авенеля¹⁹ представляет собою историю землевладения, капитала и рабочего населения во Франции с XIII до XVIII ст., тогда как отчасти устаревшие в настоящее время сочинения Бонмера²⁰, Дониоля²¹, Дареста²² дают обзор развития землевладения во Франции в эпоху, предшествующую революции. Наконец, для Германии мы имеем экономическую историю средних веков Инама-Стернегга²³, да историю сельского хозяйства Германии до новейшего времени Гольца²⁴. В последние годы М. М. Ковалевский²⁵ предпринял обширный и весьма ценный труд — экономическую историю средних веков, но вышедшие пока три тома содержат только очерк землевладения и цеховой промышленности этой эпохи.

Таким образом, нет даже полной экономической истории отдельных стран Запада, не говоря уже о всеобщей истории экономического быта западной Европы, которая составляет конечную цель науки экономической истории. Трудность создания такой истории всей хозяйственной жизни заключается не только в обширности материала и крайней трудности его изучения, но и в том, что для основательного знания истории экономического быта нужно быть не только экономистом и историком одновременно, но необходимо, кроме того, знать этнографию, историю техники, права, историю других сторон культуры, и целый ряд иных дисциплин. Для понимания первых периодов хозяйственной жизни, как народов древнего мира, так и народов западной Европы необходимо солидное знакомство с этнографией, иначе невозможно создать себе правильного представления об исходных пунктах хозяйственного развития народов. Относительно первоначального хозяйственного строя этих народов до нас дошло весьма мало непосредственных сведений, о них приходится судить в значительной мере по тем пережиткам, которые сохранились в последующие эпохи в качестве остатков старины. Но и эти пережитки не дают полной картины хозяйственной жизни древнейшего времени, они представляют собою лишь отдельные камни, сохранившиеся от разрушенного здания; необходимо очевидно восстановить промежутки, заполнить их. Мало того, выделение самих этих пережитков, установление того обстоятельства, что они принадлежат по своему характеру не к той эпохе, когда мы их находим, а к более ранней, немислимо без определения основных черт, главных особенностей хозяйственной жизни этого предыдущего

периода. Между тем этнография, изучающая жизнь тех народов, которые еще в настоящее время стоят на низших ступенях цивилизации, и имеющая возможность ознакомиться с первым периодом хозяйственной жизни человечества во всей его полноте, а не в отдельных только пережитках, и притом путем непосредственного наблюдения, производимого путешественниками, — она-то и дает нам полную картину первоначального хозяйственного строя, заполняет недостающие в экономической истории древнейших времен пробелы. Для того, напим., кто незнаком с этнографией, многие описания хозяйственной жизни древних германцев у Тацита²⁶ проходят совершенно бесследно или же, в виду их отрывочности, дают ему весьма мало для действительного понимания экономического строя этой эпохи. Наоборот, этнограф узнает в таких сообщениях Тацита, как то, что взрослые мужчины проводят время в бездельи или сне, что полевые работы производятся женщинами и детьми, что всякий ощущающий голод может зайти в ближайший дом и принять участие в трапезе, что хозяин обязан отдать гостю все, что последний от него потребует, — характерные черты первобытного коммунистического строя, повсюду существующие у современных нецивилизованных народов.

Точно так же история торговли теснейшим образом связана с историей торгового права, история землевладения и крепостного хозяйства непонятна без знакомства как с публичным, так и с частным правом этой эпохи. Юридический характер меновых сделок, их сложный формализм в ранние эпохи дает ясное указание на невозможность значительного распространения обмена в эти времена, на трудность превращения его в повседневное дело, и в то же время анализ купли-продажи приводит к выяснению происхождения этой сделки из сделки дарения, устанавливает возникновение торговли из обмена подарков.

Только тщательное изучение форм кредита и юридического характера кредитных операций позволяет разрешить вопрос о том, существовал ли в средние века безвозмездный кредит, как его требовала церковь, и какую роль кредит мог и должен был играть в хозяйстве того времени. Такие факты из истории быта и нравов прежних эпох, как отсутствие белья в средние века даже у высших слоев населения (рубашки холстяные являлись редкостью), как хождение цеховых ремесленников в XIV веке без штатов, в одних камзолах, как ношение крестья-

нами лаптей и деревянных сапог вместо кожаной обуви, еще в XVIII веке, или сообщения о различного рода заклинаниях и молитвах, которым придавалось огромное значение в земледелии не только в средние века, но и еще в самом конце «старого порядка», имеют существенное значение для понимания истории хозяйственного быта; а факт сильнейшего обжорства, чередующегося с голодовками, объясняет нам почему в прежние эпохи питание было весьма плохое, а в частности мясо являлось редким блюдом на крестьянском столе, между тем как различные источники сообщают об огромном количестве пищи, потребленной во время разного рода празднеств, — кто незнаком с нравами прежних эпох, несомненно сделает из этих сообщений вывод относительного обильного питания и прекрасного материального положения широких слоев населения.

Наконец, изучать историю возникновения машинно-фабричной индустрии в XVIII веке и ее дальнейшего развития, как и историю роста рабочего класса, может только тот, кто знает историю фабрично-заводской техники и способен оценить влияние ее на характер и развитие производства, на роль крупного капитала в хозяйственной жизни и на положение рабочего класса. Изучение прядильно-ткацкой техники показывает, как велика была потребность в пряже в XVIII веке и как все развитие вело по необходимости к появлению прядильной машины; с изобретением же последней оказалось, наоборот, чрезмерное количество пряжи, по сравнению тем, которое в состоянии были обрабатывать ткачи на ручном станке; возникла потребность в более совершенной ткацкой технике, результатом которой явилось изобретение механического ткацкого станка. Наоборот, в паровом двигателе обрабатывающая промышленность до появления прядильной и ткацкой машины не ощущала потребности, так как для прежних аппаратов достаточно было и человеческой силы, приводившей их в движение. И, действительно, паровая машина была первоначально применена в рудниках, где она необходима была для откачивания воды, которая в XVII веке уже стала заливать шахты и делать невозможным дальнейшее проникновение в недра земли. Поэтому паровой двигатель и до сих пор сохранил в значительной мере характер водоотливного насоса.

Изучение истории техники дает нам возможность выяснить и вопросы влияния машин на характер труда: изобре-

ние шелкоткацкого станка Жакаром, замена валяльного станка более усовершенствованным аппаратом и многие другие машины значительно облегчили труд человека, сделали его менее изнурительным, и точно так же труд прядильщика при прежних способах производства являлся еще более монотонным и притупляющим, нежели деятельность его, заключающаяся в надзоре за прядильной машиной.

Если, однако, сложность экономической истории как науки, и трудность выяснения хозяйственной жизни на основании того неподатливого материала, которым она располагает, не дали до сих пор возможности создать полную историю экономического быта народов, то, во всяком случае, многолетняя работа ученых многое подготовила для этого, установила, прежде всего, классификацию эпох хозяйственной жизни, периодизацию экономической истории, указала, в чем заключается эволюция хозяйственной жизни в ее основах; а это и есть та канва, на которой в будущем появятся узоры в виде истории хозяйственной жизни, это тот конспект профессора, из которого впоследствии возникает курс.

Остановимся подробнее на различных системах периодизации истории экономического быта. <...>

[Русская мысль. 1908. Кн. 7. С. 53-65]

Примечания

¹ Гильдебранд Бруно (1812–1878) — немецкий экономист и статистик, один из основателей исторической школы в политической экономии. Работы, опубликованные на русском языке: Политическая экономия настоящего и будущего. СПб., 1860; Историческое обозрение политико-экономических систем. СПб., 1861.

² Рошер Вильгельм Георг Фридрих (1817–1894) — немецкий экономист, один из основателей исторической школы в политической экономии. Работы, опубликованные на русском языке: Краткие основы курса политической экономии с точки зрения исторического метода. СПб., 1891; Наука о народном хозяйстве в отношении к земледелию и другим отраслям первоначальной промышленности. М., 1869–70; и др.

³ Книс Карл Густав Адольф (1821–1898) — немецкий экономист, один из основателей исторической школы в политической экономии.

⁴ Шмоллер Густав (1838–1917) — немецкий экономист, историк. Работы, опубликованные на русском языке: Наука о народном хозяй-

стве, ее предмет и метод. М., 1897; Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда. М., 1902; Борьба классов и классовое господство. М., 1906; и др.

⁵ Штида Вильгельм (1852–?) — немецкий экономист, представитель исторического направления в политической экономии.

⁶ Шенберг Густав Фридрих (1839–1908) — немецкий экономист, представитель исторического направления в политической экономии.

⁷ Brentano Луйо (1844–1931) — немецкий экономист. Работы, опубликованные на русском языке: Этика и народное хозяйство в истории. СПб., 1906; Народное хозяйство Византии. Л., 1924; История развития народного хозяйства Англии: В 3 т. М.; Л., 1930; и др.

⁸ Гельд Адольф (1844–1880) — немецкий экономист. Работы, опубликованные на русском языке: Фабрика и ремесло. М., 1895; Развитие крупной промышленности в Англии. СПб., 1899.

⁹ Шанц Георг (1853–?) — немецкий экономист.

¹⁰ Роджерс Джеймс Эдвин Торолд (1823–1890) — английский историк и экономист. Работы, опубликованные на русском языке: История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век. СПб., 1899.

¹¹ Мейер Эдуард (1855–1930) — немецкий историк древнего мира. Работы, опубликованные на русском языке: Теоретические и методологические вопросы истории. М., 1904; 1911; Экономическое развитие древнего мира. СПб., 1898; М., 1906; Пг., 1923.

¹² Пельман Роберт (1852–1914) — немецкий историк античности.

¹³ Белох Карл Юлиус (1854–1929) — немецкий историк античности.

¹⁴ Зомбарт Вернер (1863–1941) — немецкий экономист, историк культуры, социолог. Работы, опубликованные на русском языке: Современный капитализм: В 2 т. М., 1903–05; То же. В 3 т. Л., 1924; История экономического развития Германии в XIX веке. СПб., 1911. Вып. 1–2; Строй хозяйственной жизни. М., 1926; и др.

¹⁵ Фюстель де Куланж Нюма Дени (1830–1889) — французский историк. Работы, опубликованные на русском языке: Гражданская община античного мира. СПб., 1867; История общественного строя древней Франции. В 6 т. СПб., 1901–1916; и др.

¹⁶ Эшли Уильям Джеймс (1860–1927) — английский историк-экономист. Работы, опубликованные на русском языке: Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897.

¹⁷ Кеннингем Уильям (1849–1919) — английский историк-экономист. Работы, опубликованные на русском языке: Западная цивилизация с экономической точки зрения: В 2 т. М., 1902–03; Рост английской промышленности и торговли. Ранний период и средние века. М., 1904; 1909; и др.

¹⁸ Левассер Пьер Эмиль (1828–1911) — французский экономист и историк. Работы, опубликованные на русском языке: Основы политической экономии. СПб., 1888.

¹⁹ Авенель Дени Луи Марсиаль (1782–1875) — французский писатель.

²⁰ Бонмэр Жозеф-Эжен (1813–?) — французский писатель.

²¹ Дониоль Жан Анри Антуан (1818–?) — французский историк.

²² Дарст де-ла-Шаванн (1820–1882) — французский историк.

²³ Инама-Штернегг Карл Теодор фон (1843–1908) — немецко-австрийский историк, экономист и статистик.

²⁴ Гольц Теодор Александр фон дер ((1836–1905) — немецкий экономист.

²⁵ Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) — русский историк, юрист, социолог.

²⁶ Тацит Публий Корнелий (ок. 58–ок. 117) — римский историк.

*Публикация и примечания
Д. Я. Майдачевского*